

ИСТОРИЯ ЮРИЯ БЕРНАЧЕКА

Берначек Юрий

Полякам из Армии Крайовой, по несколько лет отсидевшим после войны в советских лагерях, никакого резона не было вспоминать эти далеко не лучшие годы своей жизни и возвращаться туда, где пострадали они сверх всякой меры, чтобы ещё раз пережить то, что разумнее всего было бы забыть раз и навсегда. Но они приезжают в Боровичи, чтобы найти людей, помогавших им вынести тяготы лагерного быта. Гостей возили по музеям и памятным местам, им устраивали приёмы и встречи, а они немолодые, много на своём веку изведавшие люди, как дети, рвались туда, где горбатились от зари до зари, спали вповалку на дощатых нарах, мёрзли и голодали.

Надо было видеть их лица! Они улыбались, не скрывая невольных слёз, о чём-то горячо говорили друг другу, мешая польские слова с русскими и вспоминая: вот здесь стояли бараки, вот тут был карьер, вот сюда тачками возили глину... Они узнавали и не узнавали знакомые места, останавливали случайных прохожих, спрашивали: «Вы помните лагерь для пленных? Он был где-то здесь... А не помните женщину, её звали Лизой, она нам хлеб приносила?» Но люди пожимали плечами: «Нет, не помним, не знаем, недавно здесь живём...» Так повторялось всюду, где они бывали. Под Боровичами на Устье с трудом отыскали старую учительницу и долго её не отпускали, расспрашивая и перебивая друг друга...

Со стенда в Боровичском краеведческом музее фотография — белозубо улыбается ясноглазая Лиза Самсонова. Водопад струящихся по плечам волос, прищуренный в улыбке взгляд и лёгкая, как тень, печаль, застывшая в уголках рта... Такой она навсегда осталась для бывшего солдата Армии Крайовой, бывшего заключённого лагеря №270 НКВД СССР гражданина Польши Юрия Берначека.

Несчастных доходяг-арестантов сердобольная Лиза подкармливала чем могла, делясь с ними то хлебом, то картошкой,

то молоком. Ей и самой-то приходилось несладко. Муж погиб на границе в первые дни войны, оставив её с двумя малолетними сыновьями на руках. И вкалывала она наравне с мужчинами (откуда только силы брались), работая бригадиром угольщиков на шахте №105. И не ожесточилась душой и сердцем от той каторжной, тусклой, беспросветной жизни, которой жили тогда не только пленные и арестанты.

Пан Берначек понимал, что прошло много лет, всё изменилось, лагерей и шахт под Боровичами давно нет, а юная Лиза, как и он, успела состариться и поседеть. В конце концов она могла куда-то уехать, могла выйти замуж и сменить фамилию... Он всё это прекрасно понимал и всё же... Всё же не терял надежды повидаться с нею, поговорить, мысленно представляя как покажет ей крохотную, обтрёпанную по краям фотографическую карточку с надписью «На добрую память», которую хранил все эти годы, опубликовав лишь её недавно в польской газете «Курьер». И газету со снимком и своей статьёй, названной коротко и безнадежно «Где ты?», он захватил для неё. С тем и поехал в Россию.

Долгожданная встреча не состоялась, хотя Лиза Самсонова никуда не уезжала и в Боровичах не составило труда навести о ней справки. Бригадира угольщиков в бывшем шахтёрском крае не забыли. «Да, была такая, жила неподалёку...» — вспоминали местные жители. Взволнованный пан Берначек, забыв, что ему не двадцать лет, нетерпеливо переспросил: «А где она сейчас? Я могу её видеть?» — «Она умерла» — помедлив, ответили ему: «Лет пять тому назад...»

Он разыскал на старом погосте могильный холмик, увенчанный простым железным крестом, склонил перед ним побитую сединой голову, помолчал, вслушиваясь в печальный шепот грустных кладбищенских лип, а потом собрал в пакетик горсть сухой, как прах, земли и помолившись по-польски за упокой её души в скорбном молчании вернулся к ожидавшей его машине. В возвращении в прошлое мало радости и много печали.